

ОБЛИК ГОГОЛЯ

Каков же был в жизни Гоголь?

Современник писателя — Н. В. Берг утверждает, что «ни один из существующих портретов» не передает Гоголя. Это — обычное утверждение всех, кто знал писателя живым, встречался с ним в жизни, благоговел перед ним или возмущался его «тяжелым характером». Всякий портрет — словесный или живописный — закрепляет только случайные черты, не передавая их во всей полноте. В воспоминаниях современников мы видим облик Гоголя, как бы отраженный многими зеркалами.

Мемуарная литература о Гоголе обширна и на тему «облик Гоголя» может быть написана целая книга. Здесь мы имеем возможность только беглыми чертами набросать облик Гоголя, пользуясь для этого показаниями его современников.

С. Т. Аксаков, влюбленный в Гоголя, увидя его впервые в 1832 г., вспоминал, что «было в нем что-то отталкивающее, не допускавшее до искреннего увлечения». Читательские восторги и излияния Аксакова были приняты Гоголем довольно сухо. Внешность Гоголя в те годы была «невыгодная для него: хохол на голове, гладко подстриженные височки, выбритые усы и подбородок, в выражении лица плутоватость». Гоголю было тогда 23 года. К этому времени уже были напечатаны «Вечера на хуторе», Гоголь шел к славе, уже поверив в себя как в писателя, а до того испробовав «множество родов деятельности — служебную, актерскую, художническую».

— В кругу литераторов 30-х годов, — вспоминал Анненков, — Гоголя любили. «Перед этим кругом Гоголь всегда стоял просто, в обыкновенной своей позиции, хотя сосредоточенный. Несколько скрытый характер и наклонность овладевать и управлять людьми не оставляли его никогда». Хитростью он умел затрагивать «струны человеческого сердца», но в своем кругу был прост и добродушен, «хотя и сохранял тонкий,

м. б. невольный оттенок чувства своего превосходства и своего значения». В те годы он любил франтить, носил большие, крепко накрахмаленные воротнички, пестрые жилеты, и был, по выражению Аксакова, «франтиком в модном фраке».

«Необычайная житейская опытность» Гоголя, — вспоминал Анненков, высказывалась на каждом шагу. Он чутко прислушивался ко всему, «схватывая жизнь налету». Какой-нибудь канцелярский анекдот о бедном чиновнике, услышанный им в приятельском кругу, развертывался в петербургскую повесть — «Шинель». В провинциальном трактире он вступал в оживленный разговор с половым, «расспрашивал его откуда он, сколько получает жалованья, где его родители, кто чаще других заходит в трактир, какое купанье больше любят чиновники и какую водку употребляют, хорош ли горюдничий»... И, быть может, из этой беседы возникала потом страница разговора Чичикова с половым, штрихи «Ревизора»... Но случайной записи в жалобной книге на почтовой станции Гоголь, забавляя приятеля, быстро сочинял смешную историю, подробно описывая наружность жалобщика и его служебную карьеру. Шутки Гоголя «были так оригинальны и забавны, что неудержимый смех одолевал всех, кто его слушал, сам же он всегда шутил, не улыбаясь».

Но с годами юмор Гоголя погасал, он становился грустнее, задумчивее, уходил в одиночество, хотя еще в кругу близких веселость его не покидала. Изменялась и его внешность петербургского франтика. «Сюртук, вроде пальто, заменил фрак. Самая фигура Гоголя в сюртуке сделалась благообразнее».

«Гоголь, — писал в 1846 г. из Рима Шевырев, — постарел, но приобрел особенного рода красоту, которую нельзя иначе определить, как красотой мыслящего человека. Лицо его побледнело, осунулось. Глубокая томительная работа мысли положила на

нем ясную печать истощения и усталости. Это было лицо философа. Оно отенялось по-старому длинными, густыми волосами до плеч. Глаза Гоголя не только не потеряли своего блеска, но еще более исполнились огня и выражения».

«Человек маленького роста с длинными белокурыми волосами и необыкновенно длинным и тонким, птичьим носом», говорил о Гоголе другой современник — Арнольди. «Он чрезвычайно странно таранил ногами, неловко махал рукою, в которой держал палку и серую пуховую шляпу; был одет вовсе не по моде и даже без вкуса. В глазах замечалось какое-то нравственное утомление». Во всей фигуре Гоголя, вспоминает Берг, было «что-то несвободное»... В кружках московских славянофилов 40-х годов «трудно представить себе более избалованного литератора, чем был в то время Гоголь». Его нельзя было спросить, что он пишет? Откуда приехал? Он не отвечал, делая вид, что нагианает дремать, или вставал и уходил. «Гоголь, — вспоминает Панаев, — говорил мало, вяло и будто нехотя. Он казался задумчив и грустен... В его манере вести себя было что-то наты-

нутое, искусственное, тяжело действовавшее на всех, которые смотрели на него не как на гения, а просто как на человека».

«Гоголь ужасно мнителен», — писал о нем один из его друзей. — Еще в юности он постоянно жаловался на болезнн, хотя вид у него был здоровый. На вопрос, чем он болен, отвечал неопределенно, «что причина болезни его находится в кишках». Поэту Языкову Гоголь объяснил, что болезнн его происходит от особенного устройства его головы и желудка, поставленного «вверх ногами». Постоянно, особенно в сидячем положении, он чувствовал зябкость. В дороге всегда кутался в шинель, подняв ее воротник выше головы. (Любимая поза Гоголя, — в ней изображен он на памятнике в Москве). Зябнул и кутался он и во время работы. Аксаков однажды застал Гоголя за рабочим столом в таком виде, что «едва не закричал от удивления». Гоголь был в самом фантастическом костюме: «вместо сапог — длинные шерстяные чулки выше колен; вместо сюртука, сверх фланелевого камзола — бархатный спенсер (куртка); шея обмотана большим разноцветным шарфом, а на го-

лове — бархатный, малиновый,шитый золотом кокошник, весьма похожий на головной убор мордвок».

Во всем у Гоголя были крайности, преувеличения. В его письмах — то безграничное отчаяние, то безмерная гордость, самые фантастические планы, основанные на мечтах, в которые и сам он уже верил, как в действительность. Он то сообщал друзьям о многотомных исторических трудах своих, которые не были написаны, то, не имея денег, был занят проектом помощи бедным студентам. Он жил, по собственному признанию, среди призраков, созданных воображением.

Гоголь был превосходным чтецом собственных произведений, но был скучен на публичные выступления. Чтение его, по словам Тургенева, отличалось простотой и сдержанностью манеры, какой-то важной, и в то же время наивной искренностью, которой словно и дела нет, есть ли тут слушатели и что они думают».

Облик Гоголя в последний год его жизни четко зарисован Тургеневым. Гоголь стоял перед конторкой с пером в руке. «Он был одет в темное пальто, зеленый бархатный жилет и коричневые панталоны. Какая-то затаенная боль и тревога примешивались к постоянно пронизывающему выражению его лица. Его белокурые волосы, которые от висков падали прямо, как обыкновенно у казаков, сохранили еще цвет молодости, но уже заметно поредели; от его покатою, гладкого белого лба попрежнему так и веяло умом. В небольших гарих глазах искрилась по временам веселость — именно веселость, а не насмешливость, — но вообще взгляд их казался усталым. Длинный заостренный нос придавал физиономии Гоголя нечто хитрое, лисье... Маленький подбородок Гоголя уходил в широкий бархатный черный галстук».

В эту встречу с Тургеневым Гоголь, против обыкновения, говорил оживленно, «размерно отталкивая и отчеканивая каждое слово». Слушая Гоголя, вглядываясь в его черты, Тургенев мысленно воскликнул:

— Какое ты умное, и странное, и большое существо! **Н. АШУКИН**